

Стратегическое партнерство ФРГ с Россией 1994–2000 гг.

Георгий А. Хорошевский
*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, georgh1998@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена феномену стратегического партнерства ФРГ и РФ с 1994 г., когда было заключено соглашение о партнерстве и сотрудничестве по 2000 г., когда к власти в РФ приходит Владимир Путин. Автор, используя историко-генетический метод, предпринимает попытку осветить эволюцию партнерства в контексте взаимосвязи стратегического партнерства как европейского явления и части немецкой национальной политики. На основе разнообразных источников в работе сравниваются подходы к определению генезиса явления, к его качественному содержанию и эволюции. Различия подходов продемонстрированы на примере различных публикаций и нормативно-правовой базы. На основе собранных материалов автор реконструирует ожидания ФРГ и РФ от стратегического партнерства, обозначает препятствия для его реализации в полной мере. Отдельно выделены причинно-следственные связи, лежащие в основе такого формата отношений. Для наглядности они изложены в хронологическом порядке. Такое изложение позволило воссоздать динамику развития партнерства и полнее осветить ожидания сторон. Автор приходит к выводу о существовании двух уровней стратегического партнерства: институционального (связь: Германия – ЕС – РФ) и межгосударственного (связь: ФРГ – РФ), где трендом является именно переход к институциональному уровню.

Ключевые слова: Стратегическое партнерство, германо-российские отношения, постбиполярная эпоха, Европейский союз, Герхард Шредер, Гельмут Коль

Для цитирования: Хорошевский Г.А. Стратегическое партнерство ФРГ с Россией 1994–2000 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 2. С. 41–52. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-2-41-52

Strategic partnership between Germany and Russia, 1994–2000

Georgii A. Khoroshevskii

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, georgh1998@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of the strategic partnership between Germany and Russia from 1994, when an agreement on partnership and co-operation was concluded, up to 2000, when Vladimir Putin came to power in the Russian Federation. The author, using the historical-genetic method, attempts to highlight the evolution of the partnership in the context of the interrelationship of the strategic partnership, as a European phenomenon, and the part of the German national policy. Based on a variety of sources, the paper compares specific approaches to defining the genesis of the phenomenon, its qualitative content and evolution. The differences in approaches are illustrated on the example of various publications and legal frameworks. On the basis of the collected material, the author reconstructs the expectations Germany and the Russian Federation sought to get from the strategic partnership and identifies the obstacles to its full realization. The causal links underlying this format of relations are separately highlighted. For the sake of clarity, they are listed chronologically. Such a presentation made it possible to recreate the dynamics of the partnership development and to provide more information on the expectations of the parties. The author concludes that there were two levels of the strategic partnership: the institutional one (the link: Germany – the EU – Russia) and the interstate partnership (the link: Germany – Russia), where the trend was exactly the transition to the institutional level.

Keywords: strategic partnership, German-Russian relations, post-bipolar era, European Union, Gerhard Schröder, Helmut Kohl

For citation: Khoroshevskii, G.A. (2025), “Strategic partnership between Germany and Russia, 1994–2000”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 41–52, DOI:

Введение

Старт постбиполярной эпохи международных отношений открыл перед европейскими государствами окно возможностей. Новая система, пока еще неоформленная, обладала определенной гибкостью и лояльностью по отношению к самым предприимчивым участникам. Стратегическое партнерство между Россией и Германией можно считать одним из символов этой предприимчивости и пост-биполярной эпохи в целом.

Тем не менее символ не может существовать в историко-политическом вакууме; он всегда заключен в определенный контекст и набор причинно-следственных связей. Эта статья – попытка определения этих связей в разрезе германо-российского стратегического партнерства.

Генезис и исторический контекст стратегического партнерства

В исторической науке не существует единого подхода для определения начала стратегического партнерства. Например, белорусский исследователь В.В. Фрольцов утверждает, что ФРГ начала выстраивать отношения с будущей Россией еще в последние месяцы существования СССР. Доказательством этого можно считать договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Республикой Германией¹ (подписан 9 ноября 1990 г.) [Фрольцов 2013, с. 102].

Важность договора в контексте исследования стратегического партнерства раскрывается в статьях 8 и 20. Именно в них определены сферы сотрудничества между странами и декларировано намерение сотрудничества в рамках международных организаций. Такое содержание вполне соответствует духу и букве современной трактовки партнерства.

С другой стороны, немецкий исследователь Ганс Адомайт предлагает другую точку отсчета [Adomeiet 2021, p. 107]. По его мнению, старт германо-российского стратегического партнерства, начинается после заключения соглашения о партнерстве и сотрудничестве с новообразованным Европейским союзом от 24 июня 1994 г.² (далее в тексте – СПС). Специфика исследования полагает использование именно германской точки зрения.

¹ Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Республикой Германией // Электронный фонд правовых и нормативно-справочных документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901736371> (дата обращения 16.10.2023).

² Agreement on partnership and cooperation establishing a partnership between the European Communities and their Member States, of one part, and the Russian Federation, of the other part // Eur-lex.europa.eu. 28.11.1997. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A21997A1128%2801%29> (дата обращения 16.10.2023).

Опираясь на два обозначенных примера, следует подчеркнуть существование различий уже на уровне определения временных рамок. Причина этому – использование различных подходов к определению сути стратегического партнерства. Так, российские исследователи склонны относить партнерство к межстрановому взаимодействию, а немецкие коллеги концентрируют свое внимание на связи «государство-надгосударственный институт» (ЕС).

Раскрывая авторский подход к исследованию, заметим, что статья выстроена на основе предположения, что до Амстердамского договора ЕС формат взаимодействия государство–государство являлся преобладающим. Во время формирования концепции (в 90-е годы XX в.) ФРГ играла преобладающую роль на поле создания политического нарратива о партнерстве и его практической реализации. Позднее из-за усложнения системы принятия решений в Европейском союзе и смене политического истеблишмента в самой республике, темпы развития партнерства замедлились.

Эта логика находит подтверждение в работах германских исследователей. Например, Ганс Адомайт выдвигает точку зрения о наличии лоббизма со стороны Германии в отношении заключения СПС [Adomeiet 2020, pp. 279–281]. Лоббизм, надо полагать, заключался в использовании административного ресурса: Республика являлась председателем Совета ЕС в 1994 г. и использовала его прерогативу в области формирования внешней политики, предложив заключить СПС с РФ.

Автор тем не менее склонен полагать, что СПС не является следствием сверхусилий или откровенного лоббизма одной из сторон. Обращаясь к международной практике, заметим, что СПС было также заключено с 10 бывшими республиками СССР. Таким образом, СПС образца 1994 г. можно охарактеризовать как «типовое соглашение». Существенных различий в тексте документов не выявлено.

Соответственно, важной становится не юридическая, а символическая, риторическая часть соглашения³. Документ стоит трактовать как индикатор готовности к сотрудничеству и жест добрых намерений. Но для воплощения текста в жизнь требуется конкретизация сфер совместной работы и взаимно направленная политическая воля элит.

Год заключения СПС можно охарактеризовать как один из

³ Соглашение о партнерстве и сотрудничестве с Россией 1994 г., комментарий канд. юрид. наук П.А. Калиниченко. URL: <https://archive.md/RB0k6> (дата обращения 16.10.2023).

пиков проявления этой политической воли: был реализован ряд инициатив, отвечающих интересам обеих стран.

С одной стороны, объединенная Германия, занимая особое место в политическом и экономическом пространстве Запада, способствовала обновлению его политико-институционального климата, активно подключая Россию к диалогу на уровне G-7, ОБСЕ, МВФ, Всемирного банка. С другой стороны, Россия помогла в создании новой Германии, подписав договор формата 2 + 4⁴. Документ, в частности, предписывал вывод группы советских войск с территории бывшей ГДР.

На этом обе страны достигли своих тактических целей на международной арене. Россия получила финансирование и доступ в международное пространство. Германия – суверенность и роль европейского локомотива. Достижение этих целей стало первым импульсом для замедления развития партнерства: время полного созвучия политических интересов закончилось [Wagensohn 2001, p. 523].

Тем не менее важно углубиться в причины замедления, поскольку именно они будут препятствовать развитию стратегического партнерства в дальнейшем.

1. Штефан Жабо отмечает, что ФРГ после объединения начинает отходить от концепции гражданской силы (*Zivilmacht* по Гансу Маулю) и применять паттерны поведения обычной великой державы, ставя во главу угла национальные интересы [Szabo 2017, pp. 38–41].

2. Возрастает военная вовлеченность Республики в международные конфликты. Посредством НАТО войска Бундесвера начинают принимать участие в военных действиях. Первая операция – на территории Югославии, которую германские СМИ характеризуют как гуманитарное вмешательство, затем Бундесвер начинает расширять географию своего участия в военных операциях [Пархитко 2010, с. 322]. Осуществляется поддержка воинского контингента НАТО на территории Хорватии, Боснии (персонал, военная инфраструктура). Отдельные воинские подразделения отправлены в Сомали. После событий 11 сентября 2001 г. – в Афганистан [Пархитко 2010, с. 325].

3. Господство логики «обеспечения безопасности» в Центральной и Восточной Европе⁵ находит свое противодействие в России.

⁴ Zwei-plus-Vier-Vertrag über die abschließende Regelung in Bezug auf Deutschland // Bundeszentrale für politische Bildung. URL: <https://www.bpb.de/themen/deutsche-einheit/zwei-plus-vier-vertrag/> (дата обращения 25.10.2023).

⁵ Ibid.

Югославские события, позднее – военная операция в Косово, вызвали ревизию доктрины Козырева⁶.

Эти факторы могут быть отмечены общим политологическим клише: страны борются за свое место в пост-биполярном мире. Германский исследователь Шпангер отмечает, что стремление Германии стать великой державой, сдерживаемое гражданской силой ведомств и законов, конкурирует с другими игроками на международной арене [Шпангер 2010, с. 39]. В результате происходит логичный конфликт с «великодержавным» российским стремлением. Проявлением конфликта с российской стороны становится выбор доктрины прагматичного реализма Примакова [Tsygankov 2016, pp. 80–81].

Герхард Шрёдер и реформативное партнерство

Герхард Шрёдер возглавил ФРГ в непростое время. Электорат требовал обновления как социальной, так и политической сферы⁷. При этом германские СМИ замечают, что правящая партия – СДПГ – приближается по своему политическому содержанию⁸ к своему идеологическому противнику – Христианским демократам. Доказательства данному тезису можно найти в статистических обзорах⁹, показывающих, что сторонники ХДС начинают отдавать голоса за оппозицию.

Возникает парадоксальная ситуация: если различия в риторике партий не являются существенными, то Шрёдера выбрали за его

⁶ Никонова В.А. Политика в современной России. 2005 // Lawbook. URL: <https://lawbook.online/kniga-sotsiologiya-politiki/amerikanotsentrizm-doktrina-kozyreva-33263.html> (дата обращения 25.10.2023).

⁷ + Von wegen “Jahrhundertfigur”: Warum Kohl kein großer Kanzler war // Spiegel. 22.06.2017. URL: <https://www.spiegel.de/spiegel/helmut-kohl-ein-grosser-kanzler-war-er-nicht-ein-widerspruch-a-1153425.html> (дата обращения 25.10.2023).

⁸ Serie Bundestagswahlen: 1998: Schröders Sieg, Kohls Ende // Tagespiegel. 02.08.2013. URL: <https://www.tagesspiegel.de/gesellschaft/geschichte/schroders-sieg-kohls-ende-2560639.html> (дата обращения 16.11.2023).

⁹ Stöss R., Neugebauer G. Die SPD und die Bundestagswahl 1998: Ursachen und Risiken eines historischen Wahlsiegs unter besonderer Berücksichtigung der Verhältnisse in Ostdeutschland // Freie Universität Berlin, Otto-Stammer-Zentrum. S. 22. URL: <https://www.polsoz.fu-berlin.de/pol-wiss/forschung/systeme/empsocz/team/ehemalige/Publikationen/schriften/Arbeitshefte/arbeitshefte2.pdf> (дата обращения 16.11.2023).

личный бренд и образ кризис-менеджера. Политик последовательно выступал за инновации и социальную справедливость, что находило отклик как в СМИ, так и в широких слоях электората. Однако, если поддерживать такой образ, неизбежно принятие на себя риторических «обязательств». Например, выступая за обновление, нельзя избегать темы формирования новых (в смысловом плане) отношений с Россией.

Прошлого канцлера – Гельмута Коля – критиковали за слишком тесные личные отношения с Борисом Ельциным (“Saunadiplomatie”) [Heinemann-Grüder 2022, S. 360]. Соответственно, для оправдания ожиданий избирателя, уровень отношений необходимо было либо понизить, либо переформатировать. Эти тренды определяют первые годы Шрёдера во власти и станут, если не основой, то опорой для стратегического партнерства международного, но не межгосударственного института. Впрочем, *status quo* изменится после избрания нового российского президента в 2000 г.

Пока же первый визит нового канцлера в Россию проходил весьма сдержанно. Германские СМИ присвоили ему неформальный девиз «Вон из сауны»¹⁰. Пространство для политического маневра сузилось еще больше, когда начались бомбардировки Югославии [Spanger 2005, SS. 5–9].

Встречной зоной конфликта стала вторая фаза чеченского конфликта (август, 1999 г.). Война еще жестче поставила вопрос о российских представлениях о безопасности и вызвала негативную реакцию европейского сообщества [Tsygankov 2016, pp. 106–107].

Однако сугубо пессимистичный тон в оценке стратегического партнерства в начале канцлерства Герхарда Шрёдера не совсем уместен; были попытки преодоления негативных трендов. В качестве примера можно использовать речь Бундеспрезидента Романа Герцога на Потсдамских встречах. Президент утверждал, что действия НАТО в Югославии не являются проявлением стремления Запада к гегемонии. Действия союза должно трактовать как попытку защиты общества модерна (права человека, демократия, верховенства закона) от общества пре-модерна. При этом Россия в этой логике являлась значимой частью мира модерна; ей отводилась роль медиатора, активного примирителя¹¹.

¹⁰ Rot-Grün streitet über Zuwanderung // Handelsblatt. 17.11 1998. S. 3.

¹¹ Ansprache von Bundespräsident Roman Herzog anlässlich der ersten Konferenz “Deutsch-Russisches Kulturforum Potsdamer Begegnungen” 27.04.1999. URL: https://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Roman-Herzog/Reden/1999/04/19990427_Rede.html?sessionid=755683E9F25CA91F399CBDC30109DDD8.internet011 (дата обращения 05.12.2023).

В контексте неоднозначного представления о роли России в международном пространстве и необходимости адаптации отношений можно выделить следующий этап развития стратегического партнерства – международное измерение.

Степень интеграции, достигнутая после заключения Амстердамского договора ЕС, сделала возможной выработку совместной внешней политики всех стран-членов ЕС. Если Маастрихтский договор содержал в себе оговорку, позволяющую осуществлять общую внешнюю политику (далее – ОВПБ) только там, где действуют общие стратегические интересы, Амстердамский формат кооперации определил ОВПБ как обязательство всего союза, т. е. каждый член интеграционного объединения должен участвовать в разработке и принятии внешнеполитического решения, солидаризовавшись таким образом с остальными деятелями союза [Сербина 2009, с. 197].

Отметим, что инструментарий введен в действие перед расширением ЕС на Восток. Такое сочетание факторов: интеграция стран бывшего ОВД в европейское пространство и их автоматическое привлечение к процессу принятия внешнеполитических решений осложнило реализацию стратегического партнерства с Россией в будущем. Так, Дов Линч характеризовал влияние расширения на Восток как «драматическое» [Lynch 2004] для концепции.

Возвращаясь к анализу исторических событий, отметим, что в 1999 г. Россия становится первым адресатом нового «амстердамского» инструмента – Стратегии ЕС, «отвечающей на общие вызовы континента путем активизации сотрудничества с Россией» [Данилов 2021]. Подавляющий объем текста сосредоточен вокруг способов реализации общей внешней политики безопасности; содержит в себе в том числе цели и инициативы к реализации по отношению к РФ.

Документ ценен тем, что не является типовым, как соглашение 1994 г., а содержит в себе конкретные области взаимодействия, а из четырех декларируемых главных целей можно синтезировать европейские ожидания по отношению к России.

Таким образом, совместная стратегия ЕС по отношению к России¹², принятая в порядке выполнения СПС, включает четыре направления:

¹² Общая стратегия 1999/414/CFSP по отношению к России (Кёльн, 3–4 июня 1999 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901888713> (дата обращения 08.12.2023).

1. Укрепление демократии, принципа правового государства и государственных учреждений в России.

2. Интеграция России в общеевропейское экономическое и социальное пространство.

3. Сотрудничество в интересах укрепления стабильности и безопасности в Европе и за ее пределами.

4. Общие проблемы европейского континента.

Для реализации направлений было предложено десять инициатив. Их можно разделить на две категории: построение демократического общества в России и обеспечение международной безопасности.

Такое разделение изначально закладывает в потенциальное сотрудничество противоречие, которое можно сформулировать следующим образом: «Россия рассматривается как выгодный партнер для решения двусторонних и международных проблем, выгодных обоим акторам, но каким-то образом это становится возможным только после того, как страна (Россия) пройдет процесс внутренней трансформации согласно европейским стандартам. Такой подход не дает внятного ответа на вопрос, может ли осуществляться стратегическое партнерство, если партнеры находятся в разных системах ценностей?..» [Schuette 2004].

Рассматривая стратегическое партнерство с точки зрения сугубо германской политики, отметим, что оно развивалось в рамках формата, описанного выше: после вывода российских войск из Германии темп развития отношений замедлился, а Шрёдер, только что избранный, не спешил его наращивать. Лейтмотивом германской политики партнерство станет в 2000-х гг., после прихода к власти Владимира Путина.

Заключение

Стратегическое партнерство – образцовая внешнеполитическая концепция пост-биполярного мира, позволившая Германии по-новому отформатировать евразийское пространство.

Институциональную форму оно обретает в 1994 г., после заключения СПС. Однако соглашение является типовым и декларирует сотрудничество на самых широких основах. Поэтому стратегическое партнерство образца 1994 г. – это скорее европейская попытка (под руководством Германии) организации общего пространства безопасности и сотрудничества, имеющая важное риторическое, но не практическое значение.

Активные действия в рамках партнерства стали заметны уже на межгосударственном уровне. Они осуществляются с опорой на взаимные, вполне прагматичные интересы. Происходит краткосрочное совпадение германских и российских трендов развития: отход Германии от доктрины “Zivilmacht” и переход России к доктрине Примакова.

В свою очередь, благодаря этому совпадению начинается оформление стратегического партнерства как международного явления. Впрочем, этот процесс разворачивается в полную силу уже при Герхарде Шредере и другом режиме функционирования ЕС. При нем конкретизировались сферы совместной работы, появились первые инициативы. Вместе с ними впервые появился и ценностный нарратив, утверждающий возможность сотрудничества с Россией при ее соответствии демократическим ожиданиям ЕС. Эта логика также коррелирует с политикой нового канцлера, который стремится поставить отношения на новые рельсы.

Таким образом, уже в 1994 г. в концепцию было заложено два трека: позитивный (сотрудничество с РФ в сфере безопасности, экономики, науки, образования, культуры) и негативный (не соответствие ценностному стандарту Европейского союза и Германии).

Литература

- Данилов 2021 – *Данилов Д.А.* Политические отношения Россия – ЕС: эволюция и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2021. Т. 14. Вып. 2. С. 121–138.
- Пархитко 2010 – *Пархитко Н.П.* Эволюция военной политики ФРГ после объединения страны // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 5. С. 320–326. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-voennoy-politiki-frg-posle-obedineniya-strany> (дата обращения 09.01.2025).
- Сербина 2009 – *Сербина А.С.* Общая внешняя политика и политика безопасности ЕС: испытание Востоком // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 196–199. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschaya-vneshnyaya-politika-i-politika-bezopasnosti-es-ispytanie-vostokom> (дата обращения 09.01.2025).
- Фрольцов 2013 – *Фрольцов В.В.* Постсоветские государства во внешней политике ФРГ (1991–2005). Мн.: БГУ, 2013. 431 с.
- Шпангер 2010 – *Шпангер Х.И.* Германия и Россия: нежданное стратегическое партнерство // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 6. С. 38–45.
- Adomeiet 2020 – *Adomeiet H.* Bilanz der deutschen Russlandpolitik seit 1990 // SIRI-US – Zeitschrift für Strategische Analysen. 2020. Vol. 4. No. 3. P. 276–292.

- Adomeiet 2021 – *Adomeiet H.* Russland und der Westen: Von “strategischer Partnerschaft” zur strategischen Gegnerschaft // *SIRIUS – Zeitschrift für Strategische Analysen*. 2021. Vol. 5. No. 2. P. 107–124.
- Heinemann-Grüder 2022 – *Heinemann-Grüder A.* Russland-Politik in der Ära Merkel // *SIRIUS – Zeitschrift für Strategische Analysen*. 2022. Vol. 6. No. 4. P. 359–372.
- Lynch 2004 – *Lynch D.* Russia’s strategic partnership with Europe. Institute for Security Studies. 2004. URL: <https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/analy077.pdf> (дата обращения 09.01.2025).
- Schuette 2004 – *Schuette R.* EU – Russia relations: Interests and values – a European perspective. Carnegie Endowment for International Peace, 2004. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep12825> (дата обращения 09.01.2025).
- Spanger 2005 – *Spanger H.-J.* Paradoxe Kontinuitäten. Die deutsche Russlandpolitik und die koalitionären Farbenlehren. HSK-Report. 12/2005. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/29884/report1205.pdf> (дата обращения 09.01.2025).
- Szabo 2017 – *Szabo S.F.* Germany: From civilian power to a geo-economic shaping power // *German Politics & Society*. 2017. Vol. 35. No. 3. 2017. P. 38–54.
- Tsygankov 2016 – *Tsygankov A.* Russia’s foreign policy change and continuity in national identity. Lanham: The Rowman & Littlefield Publishing Group, Inc., 2016. 305 p.
- Wagensohn 2001 – *Wagensohn T.* Die Dominanz Der Neuen Sachlichkeit: Rußland und Deutschland – von El’cin zu Putin // *Osteuropa*. 2001. Vol. 51. No. 4/5. P. 522–531.

References

- Adomeiet, H. (2020), “Bilanz der deutschen Russland politik seit 1990”, *SIRIUS – Zeitschrift für Strategische Analysen*, vol. 4, no. 3, pp. 276–292.
- Adomeiet, H. (2021), “Russland und der Westen: Von „strategischer Partnerschaft“ zur strategischen Gegnerschaft”, *SIRIUS – Zeitschrift für Strategische Analysen*, vol. 5, no. 2, pp. 107–124.
- Danilov, D. (2021), “Political relations Russia – the EU: evolution and perspectives”, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 14, no. 2, pp. 121–138.
- Froltsov, V. (2013), *Postsovetskie gosudarstva vo vneshney politike FRG (1991–2005)* [Post-Soviet states in the foreign policy of the FRG (1991–2005)], BGU, Minsk, Belarus.
- Heinemann-Grüder, A. (2022), “Russland-Politik in der Ära Merkel”, *SIRIUS – Zeitschrift für Strategische Analysen*, vol. 6, no. 4, pp. 359–372.
- Lynch, D. (2004), *Russia’s Strategic Parnership with Europe*, Institute for Security Studies, available at: <https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/analy077.pdf> (Accessed 9 January 2025).
- Parkhitko, N. (2010), “Evolution of the military policy of the FRG after the unification”, *MGIMO Review of International Relations*, no. 5, pp. 320–326, available at: <https://>

- cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-voennoy-politiki-frg-posle-obedineniya-strany (Accessed 9 Jan. 2025).
- Schuette, R. (2004), *EU – Russia relations: Interests and values – a European perspective*, Carnegie Endowment for International Peace, available at: <http://www.jstor.org/stable/resrep12825> (Accessed 9 Jan. 2025).
- Serbina, A. (2009), “Common foreign and security policy of the EU: a test by the East”, *Tomsk State University Journal*, no. 324, pp. 196–199, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschaya-vneshnyaya-politika-i-politika-bezopasnosti-esipyatanie-vostokom> (Accessed 9 Jan. 2025).
- Spanger, H. (2010), “Germany and Russia: an unexpected strategic partnership”, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 6, pp. 38–45.
- Spanger, H.-J. (2005), *Paradoxe Kontinuitäten. Die deutsche Russland politik und die koalitionenären Farben lehren*, HSFK-Report, 12/2005, available at: <https://www.files.ethz.ch/isn/29884/report1205.pdf> (Accessed 9 Jan. 2025).
- Szabo, S.F. (2017), “Germany: From civilian power to a geo-economic shaping power”, *German Politics & Society*, vol. 35, no. 3, pp. 38–54.
- Tsygankov, A.P. (2016), *Russia's foreign policy change and continuity in national identity*, The Rowman & Littlefield Publishing Group, Inc., Lanham, USA.
- Wagensohn, T. (2001), “Die Dominanz Der Neuen Sachlichkeit: Rußland und Deutschland – von El'cinzu Putin”, *Osteuropa*, vol. 51, no. 4/5, pp. 522–531.

Информация об авторе

Георгий А. Хорошевский, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; georgh1998@gmail.com

Information about the author

Georgii A. Khoroshevskii, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; georgh1998@gmail.com